

ГЕЛЬМОЛЬД СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА CHRONICA SLAVORUM

КНИГА I

Достопочтенным господам и отцам, каноникам святой Любекской церкви, Гельмольд, недостойный слуга церкви, что находится в Бузу, приносит сей добровольный дар в знак должного повиновения.

Долго я рассуждал и размышлял, какой бы мне предпринять труд, чтобы преподнести его матери моей, святой церкви в Любеке, в благодарность за предоставленную мне должность. И ничего не пришло мне на ум иного более пригодного, как описать во славу ее обращение славянского народа в христианство, а именно усердием каких государей и пастырей была сначала насаждена, а позднее восстановлена в этих странах христианская религия. К этому труду побуждает меня достойная подражания приверженность живших до нас летописцев, многие из которых по причине великого влечения к писательскому труду отrekliсь от всякой суеты земных дел, чтобы в уединении в свободное для созерцания время могли обрести путь мудрости, предпочитая ее чистому золоту и всем драгоценным вещам; они изоощряли остроту ума своего над невидимыми деяниями господа, стремясь приблизиться к самым глубоким тайнам, и часто принуждены были трудиться сверх меры. Другие же, силы которых не были такими, хотя и ограниченные пределами своих способностей, тоже однако, при всей своей простоте сумели раскрыть тайны, изложенные в писании, и, многое от самого сотворения мира рассказывая о государях, пророках и различных исходах войн, воздали в своих трудах доблестям хвалу, порокам презрение. Ибо в черном мраке этого времени если отсутствует светильник при писании, то все покрыто тьмой. Порицания достойна небрежность современных нам людей, которые, хотя и видят, что как раньше, так и сейчас многое проистекает из беспредельной пучины суда господня, закрыли, однако, пути своего красноречия и предались полной

соблазна суете этой жизни. Я полагаю, что страницы этого труда следует посвятить прославлению тех, кто в разные времена делом, словом, а многие и пролитием своей собственной крови просвещали славянскую страну. Слава их не должна быть покрыта молчанием, так как это они после разрушения Альденбургской церкви подняли славный город Любек с помощью божьей на такую вершину великолепия, что он возвысился среди всех самых знаменитых городов славянских как своим богатством, так и благочестием. Поэтому я решил, опуская другое, что происходило в наше время, с помощью божьей и верой описать все, о чем узнал из рассказов старых людей или в чем убедился собственными глазами, и описать тем подробнее, чем больше заслуживает этого величие дел, совершавшихся в наше время. Не безрассудная дерзость толкает меня на этот труд, побуждают меня к нему увещания достопочтенного моего наставник а, епископа Герольда, первого, кто благодаря как епископской кафедре, так и духовенству прославил Любекскую церковь.

Начинается хроника славян, составленная достопочтенным пресвитером Гельмольдом.

О РАЗДЕЛЕНИИ СЛАВЯН

Во введении к этому сочинению почитаю полезным предпослать в кратком историческом обзрении кое-что о странах славян, об их характере и нравах, а именно показать, сетями сколь многих заблуждений были опутаны они до принятия благодати обращения, чтобы по тяжести болезни легче можно было познать действенность божественного лекарства.

Много славянских племен живет на берегу Балтийского моря. «Море это простирается от Западного океана к востоку, и Балтийским называется потому, что тянется длинной полосой, подобно поясу, через земли скифов до самой Греции. Это же море называется Варварским, или Скифским, морем по варварским народам, страны

которых омывает». «Вокруг этого моря сидят многие народы. Ибо северное его побережье и все острова возле него держат даны и свеоны, которых мы зовем нортманнами, южный берег населяют племена славян», из которых первыми от востока идут русы, затем полоны, имеющие соседями с севера прусов, с юга — богемцев, и тех, которые зовутся моравами, каринтийцами и сорабами. А «если прибавить к Славянии, как того хотят некоторые, угров, так как они не отличаются от них ни по внешнему виду, ни по языку», то пределы земли, занимаемой славянским народом, так расширятся, что почти невозможно будет ее описать.

Все эти народы, кроме прусов, украшены именем христиан. Давно уже обратилась в веру Русь. «Даны называют Русь также Острогардом по той причине, что, будучи расположена на востоке, она изобилует всеми благами. Ее называют также Хунигардом, потому что на этих местах сначала жили гунны». «Главный город ее Хуэ». С помощью каких учителей пришли они русы к вере, об этом у меня мало сведений, кроме того, что во всех обрядах своих они, кажется, предпочитают больше подражать грекам, чем латинянам. Ибо Русское море самым кратким путем приводит в Грецию.

Прусы еще не познали света веры; люди, обладающие многими естественными добрыми качествами, «весьма человеколюбивые» по отношению к терпящим нужду; «они спешат навстречу тем, кто подвергается опасности в море или преследованиям со стороны морских разбойников, и приходят им на помощь. Золото и серебро они почти ни во что не ставят. У них изобилие неизвестных мехов, из-за которых в нашей стране разлился смертельный яд гордости. А они почитают их вроде как за навоз в укор, думаю, нам, которые вздыхают по меховой одежде, как по величайшему счастью. Поэтому за льняные одежды, которые у нас называются *faldones*, они отдают нам столь драгоценные шкурки.

Многое можно было бы еще сказать об этом народе, достойном похвалы за свои нравы, если бы ко всему он признавал еще единую Христову веру, проповедников которой они преследуют бесчеловечно. Это у них увенчан мученическим венцом знаменитый богемский епископ Адальберт. Хотя в остальном у них все одинаково с нами, но, наверно, и сегодня еще они запрещают нам подходить к их священным рощам и источникам, ибо считают, что те становятся нечистыми от одного приближения христиан. В пищу они употребляют мясо лошадей, молоко же и кровь их используют для питья и, говорят, напиваются ими даже допьяна. Люди эти голубоглазы, кожа у них красная, волосы длинные. Кроме того, недоступные из-за болот, они никакого господина над собой терпеть не желают».

Угорский народ был некогда весьма могущественным и храбрым в бою и наводил страх даже на Римскую империю. Ибо после поражения гуннов и данов произошло третье вторжение угров, опустошившее и разрушившее все соседние государства. Собрав бесчисленное войско, они захватили вооруженной рукой Баварию или Свевию, кроме того, они разорили области, примыкающие к Рейну, и залили огнем и кровью всю Саксонию вплоть до Британского океана. Сколь великие труды потребовались от императоров и какие тяжкие потери понесло христианское войско, чтобы покорить их и подчинить божественным законам, об этом многие знают и всенародно повествует история.

Каринтийцы — соседи баварцев; это люди, преданные-служению богу, и нет народа более, чем они, достойного уважения и более приверженного в служении господу и в почитании духовенства.

Богемия имеет короля и воинственных мужей, она полна церквей, привержена божественной религии и делится на два епископства — Пражское и Оломоуцкое.

Полония — большая славянская страна, «границы ее, как говорят, соприкасаются с государством Русью». Она делится на восемь епископств. Некогда имела она короля, теперь уже управляется князьями. Как и Богемия, она подчинена власти императора. Полоны имеют такое же оружие и пользуются теми же приемами в сражении, как и богемцы. Сколь бы часто ни призывались они к войнам с чужеземцами, они всегда мужественны в бою и чрезвычайно жестоки при грабежах и убийствах: они не щадят ни монастырей, ни храмов, ни кладбищ. А в войны с чужеземцами они не вступают ни на каком другом условии, как только добившись согласия на то, что им будут отданы на разграбление сокровища, защитой которым должно бы служить самое нахождение их в святых местах. Отчего и происходит, что из-за своей жадности к добыче они часто наилучшим друзьям причиняют зло, как будто врагам, почему их очень редко привлекают на помощь в случае военной необходимости.

Всего, что здесь сказано о богемцах, полонах и других восточных славянах, пусть будет довольно.

О ГОРОДЕ ЮМНЕТА

Там, где кончается Полония, мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые в древности вандалами, теперь же винитами, или винулами, называются. Из них первыми являются поморяне, поселения которых простираются вплоть до Одры. Одра же—это «самая богатая река в славянской стране», «она начинается в дикой чаще в земле моравов», расположенной на востоке от Богемии, «где берет начало и Альбия. Они отстоят одна от другой не на очень большом расстоянии, но текут в разных направлениях. Ибо Альбия стремится на запад и в верхнем своем течении омывает земли богемцев и сорабов, средним разделяет славян и саксов, нижним течением отделяет Гамбургскую епархию от Бременской и победительницей вступает в Британский океан. Другая река, т. е. Одра, направляется к северу, пересекает землю винулов, отделяя поморян от вильцев». «В устье Одры», где она впадает в Балтийское

море, «некогда «находился знаменитейший город Юмнета, место, весьма часто посещаемое варварами и греками, живущими в его окрестностях. О величии этого города, про который ходит много и при этом едва ли заслуживающих доверия рассказов, следует сообщить кое-что, достойное того, чтобы оно было снова повторено. Это действительно был самый большой город из всех имевшихся в Европе городов, населенный славянами вперемешку с другими народами, греками и варварами. И саксы, приходя сюда, тоже получали право жить в нем, на том только условии, что, живя здесь, не будут слишком явно проявлять своей христианской религии. Потому что все жители этого города до самого его разрушения пребывали в языческом заблуждении. Впрочем, по нравам и гостеприимству-нельзя было найти ни одного народа, более достойного уважения и более радушного чем они. Этот город, богатый товарами различных народов, обладал всеми без исключения развлечениями и редкостями». Рассказывают, что один данский король, сопровождаемый огромным морским войском, разрушил этот богатейший город до основания. Памятники этого древнего города сохранились до сих пор.

«Мы наблюдаем здесь море троякой природы. Ибо этот остров омывается тремя разными течениями. В одном из них вода, говорят, — ярко-зеленого цвета, во втором — беловатого, третье течение, бешено крутясь, постоянно бушует».

«Есть и другие славянские народы, которые живут между Одрой и Альбией», длинной полосой простираясь к югу, — а именно герулы, или «гаволяне, обитающие по реке Гаволе, и дошане, любушане и вилины, стодоряне и многие другие». За медленно текущей Одрой и разными племенами поморян, на западе мы встречаем страну тех винулов, которые называются доленчанами и ратарями. «Их город повсюду известен, Ретра, центр идолопоклонства. Здесь выстроен большой храм для богов. Главный из них — Редегаст. Идол его сделан из золота, ложе из пурпура. В этом городе девять ворот, и со всех сторон он окружен глубоким озером. Для перехода служит деревянный мост, но путь по нему открыт только для приносящих жертвы и испрашивающих ответы».

Дошедшее от предков древнее предание рассказывает, что во времена Людовика II из Корвейи вышли известные своей святостью монахи, которые, стремясь спасти Славян, обрекли сами себя ради проповеди слова Божьего на грозившие им опасности и смерть. Пройдя много Славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руянами, и живут в сердце моря. Там находился очаг заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово Божье, они приобрели [для христианства] весь этот остров и даже заложили здесь храм в честь господина и спасителя нашего Иисуса Христа и в память св. Вита, покровителя Корвейи. Потом же, когда по попущению Божьему дела изменились, то раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суеверие. Ибо св. Вита, которого мы признаём мучеником и слугой Христовым, они за Бога почитают, творение ставя выше творца. И не найти под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше, [нежели это]. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между Богами. Сюда обращаются из всех Славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или поспать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют Богу их что-либо ценное из своих товаров, и тогда только товары выставляются на рынок. Жреца своего они почитают не меньше, чем короля. Всё это суеверие ран сохранилось со времени, когда они впервые отреклись от веры, до наших дней...

Епископу Иоанну, старцу, схваченному с другими христианами в Магнополе, то есть в Микилинбурге, жизнь, была сохранена для торжества [язычников]. За свою приверженность Христу он был [сначала] избит палками, потом его водили на поругание по всем Славянским городам, а когда невозможно было заставить его отречься от имени Христова, варвары отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье,

принесли её в жертву Богу своему Редегасту в знак победы. Всё это происходило в столице Славян, Ретре, в четвёртые иды ноября...

После того как умер Кнут, по прозвищу Лавард, король бодричей, ему наследовали Прибислав и Никлот, разделив государство на две части и управляя: один землей вагров и полабов, другой землёй бодричей. Это были два мрачных чудовища, очень враждебно относившихся к христианам. И в эти дни во всей Славянской земле господствовало усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо рощ и Божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, Бог альденбургской земли, Жива, Богиня полабов, и Редегаст, Бог земли бодричей. Им предназначены были жрецы и приносились жертвы, и для них совершались многочисленные религиозные обряды. Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь Богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят Богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми — христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их Богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отведывает его крови, чтобы стать более ревностным в получении Божественных прорицаний. Ибо Боги, как многие полагают, легче вызываются посредством крови. Совершив, согласно обычаю, жертвоприношения, народ предаётся пиршествам и веселью.

Есть у Славян удивительное заблуждение. А именно: *во время пиров и возлияний они пускают круговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени Богов, а именно, доброго Бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым Богом направляются.* Поэтому злого Бога они на своём языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть Чёрным Богом. Среди множества Славянских Божеств главным является Святovit, Бог земли ранской, так как он — самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы Полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека — христианина, какого укажет жребий. Из всех Славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения

Святовиту. С удивительным почтением относятся Славяне к своему Божеству, ибо они не легко приносят клятвы и не терпят, чтобы достоинство его храма нарушалось даже во время неприятельских нашествий...

Пробыв у князя эту ночь и ещё следующие день и ночь, мы отправились дальше по Славии в гости к одному могущественному человеку, имя которого было Тешемир, ибо он приглашал нас к себе. И случилось, что по дороге пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидали священные дубы, посвящённые Богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесённый деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и с жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывалось в приюте.

Славяне питают к своим святыням такое уважение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны. Клятву они с большой неохотой приносят, боясь навлечь на себя гнев Богов, ибо клятва у Славян равносильна её нарушению. У Славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуне, имя которому Подага; у других Божества населяют леса и рощи, как Прове, Бог альденбургской земли, — они не имеют никаких идолов. Многих Богов они вырезают с двумя, тремя и больше головами. Среди многообразных Божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и Единого Бога, господствующего над другими в небесах, признают, что Он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они (другие Боги), повинувшись Ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что

они от крови Его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому Богу Богов.

Когда мы пришли в эту рощу и в это место безбожия, епископ стал увещевать нас, чтобы мы смело приступали к уничтожению рощи. Сам же, сойдя с коня, сбил шестом лицевые украшения с ворот. И, войдя во дворик, мы разрушили всю его ограду и свалили её в одну кучу вокруг священных деревьев, и, подкинув огонь, устроили костёр из множества брёвен, однако не без страха, как бы на нас не обрушилось возмущение жителей. Но господь покровительствовал нам...

И повелел граф народу Славянскому, чтобы он приносил своих покойников для погребения во двор церкви, и по праздникам сходил бы в церковь слушать слово Божье. А слово Божье, согласно порученному ему посланничеству, излагал им пастырь Божий Бруно, имея проповеди, составленные на Славянском языке, которые произносил понятно для народа. И с этого времени Славяне воздерживались приносить клятвы у деревьев, источников и камней, а застигнутых на каких-либо преступлениях приводили к своему священнику, чтобы тот испытывал их железом или лемехами...

И преуспело дело короля Дании, и могучей рукой занял он землю руян, и они дали ему в выкуп за себя столько, сколько король назначил. И велел король вытащить этот древний идол Святовита, который почитается всем народом Славянским, и приказал накинуть ему на шею верёвку и тащить его посреди войска на глазах Славян и, разломав на куски, бросить в огонь. И разрушил король святилище его со всеми предметами почитания и разграбил его Богатую казну. И повелел, чтобы они отступили от заблуждений своих, в которых рождены были, и приобщились к почитанию истинного Бога. И отпустил средства на постройку церквей...

Старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвейе, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и заложили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После

того же, как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаём слугой Божиим, раны начали почитать как Бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святovit, Бог земли руянской, занял первое место среди всех Божеств Славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие Славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его Богом Богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почёте. Ибо тот тщательно разведывает ответы Божества и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят. Среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей-христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особенное наслаждение Богам...

Дальше мы попадаем к «черезпенянам и хижанам, которых от доленчан и ратарей отделяют река Пена и город Димин. Хижане и черезпеняне живут по эту, доленчане и ратарии по ту сторону Пены. Эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами, или лютичами. Ниже них находятся глиняне и варны. За ними следуют бодричи, город их — Микилинбург. Оттуда по направлению к нам живут полабы, их город — Рацисбург». Оттуда, перейдя реку Травну, мы попадаем в нашу землю вагров. «Городом этой земли был некогда приморский город Альденбург». Есть и острова в Балтийском море, населенные славянами. «Один из них называется Вемере. Он расположен напротив Вагрии, так что с него можно видеть Альденбург. Второй остров», большой, «лежит против земли вильцев, его населяют раны, называемые также руянами», — «самое сильное среди славян племя», единственное, которое имеет короля. «Без их решения не может быть совершенно ни одно общественное дело. Их боятся так по причине особого расположения к ним богов или, скорее, идолов, которых они окружают гораздо большим почетом, чем другие» славяне.

Таковы эти племена винулов, рассеянные по землям, областям и островам на море. Весь этот народ, преданный идолопоклонству, всегда странствующий и подвижной, промысляющий разбоем, постоянно беспокоит, с одной стороны, данов, с другой — саксов. Не раз великие императоры различными способами, а пастыри своим искусством пытались, не смогут ли они в какой-нибудь степени приобщить эти строптивые и неверные племена к познанию имени божьего и благодати веры.

КАКИМ ОБРАЗОМ КАРЛ ВЕЛИКИЙ ОБРАТИЛ САКСОВ В ВЕРУ

Среди всех усердных распространителей христианской веры, своими заслугами перед религией достойно занявших первое место, самым славным будет всегда Карл, муж, которого должны восхвалять все летописцы и которого надлежит поставить во главе тех, кто трудился во имя божье в северных странах. Это он усмирил оружием и подчинил христианским законам жесточайшее и мятежное племя саксов. «Саксы и тюринги, так же, как и остальные народы, живущие по Рейну, издревле, как пишут, платили дань франкам. Когда затем они отпали от королевства франков, Пипин, отец Карла, начал против них войну, которую сын его с великим успехом закончил». Таким образом, война против саксов велась в течение долгого времени, «потому что с большой с обеих сторон отвагой, но с большим для саксов, чем для франков, ущербом она тянулась 33 года. Она могла бы окончиться скорее, если бы не упорство саксов», которые, стараясь оружием отстоять свою свободу, опустошали земли франков вплоть до Рейна. «Поскольку ни одного года без войны не обходилось, то саксы, как пишут, пришли, наконец, в такое истощение, что 10 тысяч человек из тех, кто живет по обоим берегам Альбин, было переселено с женами и детьми во Францию. Это произошло на 33-м году длительной войны с саксами, в год, который франкские историки считают памятным, 37-й год правления императора Карла», когда «Видекинд, вождь восстания», отказавшись от верховной власти, подчинился империи, и «был сам вместе с другими саксонскими

вельможами окрещен. И только тогда Саксония превратилась в провинцию империи.

Одерживая эту победу в войне, храбрейший Карл полагался не на себя, а на поддержку господ бога, и все отважные свои дела приписывал милостивой его помощи. Побуждаемый великой ревностью и имея в виду высшую награду, постановил он освободить племена саксов, хотя они мало этого заслуживали, от «полагающихся с них платежей» и подарить им «былую свободу», чтобы случайно обременение службами и данями не толкнуло их вновь на восстание и возвращение к языческим заблуждениям. А затем «король предложил, а они саксы приняли такое условие, что, отказавшись от поклонения идолам, они приобщатся к таинствам христианской религии», станут данниками и подданными господ бога, будут, согласно закону, платить священникам десятину от всего своего скота и продуктов земледелия или питания и, «объединившись с франками, образуют с ними вместе один народ». Таким образом, Саксония «разделилась на восемь епископств» и была подчинена достойнейшим пастырям, чтобы те словом и примером могли бы наставлять эти грубые души в вере. Памятуя об их содержании, император обеспечил их многочисленными привилегиями и великими щедротами. Так был заложен в Саксонии новый рассадник веры и со всей силой укреплен.

В то время и дикие фризы приняли благодать христианской веры. С этого времени был для проповедников слова божьего подготовлен путь за Альбию, и апостолы поспешно разошлись по всему пространству севера, чтобы возвещать евангелие мира.

«В это время, когда власти франков подчинились уже и славянские народы, Карл, как рассказывают, основав церковь в Гамбурге, городе нордальбингов, поручил управление ею некоему снятому мужу, Геридагу, и поставил его в этом месте епископом, предполагая сделать

эту Гамбургскую церковь архиепископством для всех славян и данов. Приведению этого замысла в исполнение помешала смерть епископа Геридага, а также и войны, которыми был занят император Карл. И он не осуществил своего намерения». Этот «победоноснейший государь, покорявший себе все государства Европы, начал, как рассказывают, новую войну с данами. Даны и другие народы, обитающие за Данией, именуются у франкских историков нортманнами. Король их Готфрид, сделав своими данниками сначала фризов, затем нордальбингов, бодричей и других славян, стал угрожать войной самому Карлу. Эта-то война и задержала сильнее всего осуществление намерения императора относительно Гамбурга. В конце концов, когда по воле божьей Готфрид скончался и ему наследовал его двоюродный брат Гемминг, тот заключил вскоре мир с императором и установил реку Эгдору границей своего государства».

Немного времени спустя покинул этот мир и Карл, муж самый достойный как в небесных, так и в земных делах» первый, кто своими заслугами возвысил Франкское королевство до империи. Ибо императорская власть, которая, начиная с Константина, на протяжении многих поколений с успехом процветала в Греции, а именно в городе Константинополе, потом за отсутствием мужа царского рода пришла там в такой упадок, что республика, которой во времена первоначального ее могущества едва хватало трех консулов или диктаторов или по крайней мере цезарей, в конце концов управлялась женщиной.

И вот, когда со всех сторон поднялись восстания против империи, когда почти все государства Европы от нее отпали, и когда Рим, сама мать мира, пришел в истощение от войн с соседями, и нигде не находилось защитника, угодно стало папскому престолу принять решение о созыве торжественного святого собора, чтобы посоветоваться по общему для всех делу. И тогда единогласно, при всеобщем доброжелательстве, короной Римской империи был

увенчан знаменитый король франков Карл, потому что, как всем казалось, он не имел никого равного себе во всем мире ни по заслугам на поприще религии, ни по славе своего могущества, ни по победам в войнах. И вот, таким образом, был перенесен императорский титул из Греции во Францию.

О РАЗДЕЛЕ ИМПЕРИИ

Когда Карл, король франков и августейший император-римский, достигнув больших успехов в своих делах, переселился в лучший мир, ему наследовал сын его, Людовик. Согласно во всех поступках с отцом, он проявил такую же, как отец, щедрость по отношению к церкви и ко всему духовенству, жертвуя громадные государственные ценности на украшение и во славу церкви в такой степени, что епископов, которые, управляя душами, и без того являются князьями неба, возвел в князей государства. Узнав о намерениях своего отца относительно Гамбурга, он тотчас же посоветовался с мудрыми людьми и поставил святейшего. Анскария, которого некогда направлял проповедником к данам и шведам, архиепископом Гамбургской церкви для приведения ее в порядок, город же этот сделал митрополией для всех народов севера, чтобы отсюда благодать слова божьего еще шире распространилась среди всех языческих племен. Что и произошло. Ибо рвением пастырей Гамбургской церкви было посеяно слово божье среди всех славян, данов и нортманнов, и огнем его были растоплены холод и стужа севера. И так великими трудами наставников прививалось оно у этих народов на протяжении многих дней и годов. Ибо столь глубок был мрак заблуждений, столь велико упорство заросшего лесом идолопоклонства, что не так скоро и не так легко можно было их преодолеть. Да и не мало задержали обращение народов этих разные военные волнения, все шире распространявшиеся после смерти благочестивого Людовика. Потому что с его уходом из этого мира разразилась внутренняя война, а именно, четыре его сына начали борьбу за верховную власть. «Великие раздоры и войны настали между братьями. Во время этих войн все племена франков, по свидетельству историков, пришли в полное разорение». «Наконец,

благодаря посредничеству папы Сергия раздоры прекратились, и государство было разделено на четыре части, так что старший по рождению, Лотарь, получил во владение Италию с Римом, Лотарингию и Бургундию, Людовик — Рейн с Германией, Карл — Галлию, Пипин — Аквитанию».

О ПУТЕШЕСТВИИ СВ. АНСКАРИЯ В ШВЕЦИЮ

Во время этой смуты, когда раздоры между братьями породили сильнейшие движения и ослабление империи вследствие ее разделения, удобные условия времени побудили многих к войнам. Первыми и особо выдающимися среди них были сильные людьми и вооружением народы данов. «Они подчинили себе» сначала славян и «фризов, а потом, пройдя» на разбойничьих кораблях «по Рейну, осадили Колонию, и, дальше пройдя по Альбии», до основания «разрушили Гамбург. Замечательный этот город» и недавно построенная там церковь все «погибло в огне». Мало того, разграблению со стороны варваров подверглась и Нордальбингская провинция и все, что лежало по соседству с рекой Альбией. Великим ужасом была потрясена Саксония. Святой же Анскарий, архиепископ гамбургский, и остальные проповедники, направленные в Славию и в Данию, с великой яростью преследуемые, были изгнаны из своих местожительств и повсюду рассеялись.

Тогда Людовик, которому, как выше сказано, досталась Германия, подобный во всем своему славному отцу как по имени, так и по благочестию, ревностно стараясь возместить ущерб, причиненный Гамбургской церкви, присоединил к ней в то время пустовавшее вследствие смерти своего епископа Бременское епископство. И стало с этих пор не две епархии, а одна. Так как каждый из этих городов из-за набегов морских разбойников подвергался опасностям, то было признано полезным, чтобы оба города взаимно укрепляли и поддерживали друг друга. Когда со стороны апостольской столицы было получено разрешение на это, все задуманное благочестивым государем приведено было в исполнение, Бременская церковь была

присоединена к Гамбургской, и св. Анскарий получил обе в управление и стало «едино стадо и один пастырь».

Немного времени спустя, когда ярость данов несколько утихла, разрушенный Гамбург начал снова отстраиваться и племена нордальбингов опять вернулись на свои места. Архиепископ же Анскарий, выполняя поручение императора, стал часто навещать короля датского и, усердно выступая в пользу обоих государств за установление мира, благодаря уважению короля, хотя и язычника, добился большого с его стороны расположения к своей вере. И в конце концов король разрешил ему основать церкви в Шлезвиге и Рипе, дав сначала обещание, что не будет препятствовать тем, кто пожелает креститься и следовать христианским законам. И тотчас же без промедления были направлены священники на осуществление этого дела.

Когда, таким образом, благодать божья стала понемногу распространяться среди данского народа, упомянутый епископ начал с большим рвением готовиться к обращению свеонов. Взяв это тяжелое бремя на себя, он испросил у короля данского письмо и посла и, отправившись с многими лицами морским путем, прибыл в Бирку, главный город Швеции. Здесь с великим расположением и радостью был он принят верующими, которых сам же некогда, еще до своего посвящения в архиепископы направленный сюда проповедником, привел ко Христу. Ему удалось добиться у короля шведского разрешения на то, чтобы всем желающим была предоставлена полная свобода принимать христианство. Поставив в Швеции епископа и священников, чтобы они вместо него пеклись о делах божьих, поощряя некоторых людей к большей твердости в вере, он вернулся в свою столицу. С этого времени семя слова божьего, посеянное среди данов и свеонов, стало давать более обильные плоды. И хотя потом у этих народов появлялось много тиранов, проявлявших жестокость по отношению не только к христианам своего народа, но также и к чужим народам, можно заметить, однако, что христианство

со времени первого насаждения его в Дании и Швеции настолько окрепло, что если иногда и колебалось, когда разражались бури преследований, то никогда до конца не искоренялось.

ОБ ОБРАЩЕНИИ РУЯН

Среди всех северных народов одни лишь славяне были упорнее других и позже других обратились к вере. А как выше сказано, славянских народов много, и те из них, которые называются винулами, или винитами, в большей своей части относятся к Гамбургской епархии. Ибо Гамбургская церковь, помимо того, что она, будучи столицей митрополита, охватывает все народы или государства севера, имеет также определенные границы своей епархии. В нее входит самая отдаленная часть Саксонии, которая расположена по ту сторону Альбии, называется Нордальбингией и населена тремя народами — дитмаршами, гользатами, штурмарами. Оттуда граница тянется до земли винитов, тех именно, которые называются ваграми, бодричам, хижанами, черзпенянами, и дальше до самой реки Пены и города Димины. «Здесь лежит граница Гамбургской епархии». Поэтому не следует удивляться, что достойнейшие пастыри и проповедники евангелия, Анскарий, Реймберт и, шестой по порядку, Унни, усердие которых в обращении народов стяжало им такую великую славу, столько труда вложили в попечение об обращении славян, но ни они сами, ни их помощники никаких плодов, как мы читаем, у них не достигли. Причиной этого было, как я считаю, непреодолимое упорство этого народа, а не равнодушие проповедников, которые до такой степени были преданы делу обращения народов, что не жалели ни сил, ни жизни.

Дошедшее от предков древнее предание рассказывает, что во времена Людовика II из Корвейи вышли известные своей святостью монахи, которые, стремясь спасти славян, обрекли сами себя ради проповеди слова божьего на грозившие им опасности и смерть. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руянами, и живут в сердце моря. Там находился очаг

заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово божье, они приобрели для христианства весь этот остров и даже заложили здесь храм в честь господина и спасителя нашего Иисуса Христа и в память св. Вита, покровителя Корвейи. Потом же, когда по попущению божьему дела изменились, то раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суеверие. Ибо св. Вита, которого мы признаем мучеником и слугой Христовым, они за бога почитают, творение ставя выше творца. И не найти под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше, нежели это. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или поспать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют богу их что-либо ценное из своих товаров, и тогда только товары выставляются на рынок. Жреца своего они почитают не меньше, чем короля. Все это суеверие ран сохранилось со времени, когда они, впервые отрекшись от веры, до наших дней

НАПАДЕНИЕ НОРТМАННОВ

Правда, обращению славян и других народов в веру с самого начала сильно мешали военные бури, поднятые нортманнами и свирепствовавшие почти во всем мире. Войско нортманнов состояло из храбрейших данов, свеонов и норвегов, которые, объединившись теперь под одной властью, обложили данью прежде всего находившихся под рукой славян, а затем стали притеснять и на суше, и на море остальные соседние государства. Вероятно, немало мужества придало им ослабление Римской империи, которая, как выше сказано, после Людовика старшего была сначала истощена внутренними войнами, а потом разделена на четыре части и

управлялась столькими же королями. Известно, что в это самое время «нортманны, пройдя по Лигеру, сожгли Тур, а пройдя по Секване, осадили Париж И тогда король Карл, охваченный страхом отвел им для житья землю», которая, поскольку ею завладели нортманны, получила название Нортмандии «Затем они опустошили Лотарингию и подчинили себе Фризию». Наш же Людовик, то есть король Германии, «так долго удерживал нортманнов договорами и сражениями, что в то время, как они Францию всю опустошили, его стране нанесли лишь незначительный ущерб. После же его смерти, «...Лишь ослабели бразды, воцарились варварство, дикость».

«Ибо богемцы, сорабы, сусы и остальные славяне», которых он облагал данью, сбросили теперь иго рабства «Тогда опустошена была нортманнами и данами и Саксония. Герцог Бруно с 12 вельможами был убит, епископы Теодорик и Марквард изрублены. Тогда и Фризия была опустошена, разрушен город Траектум. Затем морские разбойники сожгли Колонию и Тревер, а дворец в Аквисгране превратили в конюшню для своих лошадей. Могонтия в ужасе перед варварами начала укрепляться». Юный Карл, сын Людовика, возвращавшийся в это время из Рима, вступит с большим войском у реки Мозы в бой с нортманнами. Сжав их в осаде, на 15-й день он принудил их, наконец, сдаться. Захватив в плен датских тиранов. Карл не отомстил этим врагам господним с такой, как подобало, суровостью, но, на долгую беду и тяжкое, разрушение церкви пощадив безбожников, он принял от них присягу и заключил с ними договор, а затем, щедро их одарив, разрешил им вернуться к себе. И они, насмехаясь над слабостью молодого короля, как только обрели губительную свободу, собрались опять воедино и такую учинили резню, что жестокость их перешла все границы. «Что же сказать больше? Города со своими жителями, епископы со всей своей паствой были умерщвлены, знаменитые церкви вместе с множеством верующих сожжены». Поэтому Карл был обвинен на сейме и за свое легкомыслие «лишен королевства, получив себе в преемники Арнульфа, сына своего брата». Тот, собрав войско, перешел границу страны данов и «в многочисленных тяжких сражениях да конца их уничтожил. Само небо руководило этой войной, ибо если язычников

пало на войне 100 тысяч, то едва ли один из христиан оказался убитым. Так закончилось нападение нортманнов, господь отомстил за кровь своих слуг, проливавшуюся уже в течение 70 лет».

Все эти события происходили во времена архиепископа Адельгария, который был преемником св Реймберта и третьим после св Ансария. Когда Адельгарий умер, архиепископом после него стал Гогер, потом Рейнвард. Что же касается наследования королевского престола, то после Арнульфа правил Людовик Дитя. «На этом Людовике заканчивается род Карла Великого». Низложенный потом с престола, он имел своим преемником Конрада, герцога франков.

НАШЕСТВИЕ УГРОВ

В правление Конрада произошло страшное нашествие угров, которые «разрушили не только нашу Саксонию и другие расположенные по эту сторону Рейна провинции, но также и лежащие за Рейном Лотарингию и Францию». Тогда церкви были сожжены, кресты изломаны варварами и преданы надругательству, священники умерщвлены перед своими алтарями, духовенство вместе с народом или перебито, или уведено в плен. Следы этого неистовства сохранились до наших дней.

Тогда и даны, опустошив с помощью славян сначала земли нордальбингских, затем трансальбингских саксов, навели великий ужас на Саксонию. У данов в то время правил Ворм, самый жестокий, говорю я, из червей, рьяный преследователь христиан. Намереваясь совершенно уничтожить христианство, насажденное в Дании, он изгнал священников из своей страны, многих же истязаниями умертвил. Тогда король Генрих, преемник Конрада, с детских лет выращенный в страхе божьем, все свои упования возлагавший на милосердие божье, угров в жестоких сражениях победил, богемцам же и сорабам, укрощенным уже другими королями, и прочим славянским племенам одной страшной битвой нанес такой удар, что другие, которых осталось очень мало, королю платить дань, а богу принять христианство добровольно обещались. Потом он вступил с войском в Данию и первым нападением до того устранил короля

Ворма, что тот признал власть его над собой и смиренно умолял о мире.

Король Генрих, победитель, установил границу своего государства у Шлезвига, который теперь называется Гейдебо, поставил здесь маркграфа и предписал заселить колонию саксами. Тогда святейший архиепископ Унни, который наследовал кафедру после Рейнварда, видя, что благодаря милосердию господина нашего и доблести короля Генриха упорство данов и славян преодолено и врата к принятию веры у этих народов открылись, решил сам лично объехать свою епархию на всем ее протяжении. Сопровождаемый многочисленными священниками, прибыл он к данам, где тогда правил жесточайший Ворм. Его самого из-за врожденной его свирепости склонить к вере он не смог, но сына его, Гарольда, обратил и сделал его верным Христу, так что тот, хотя сам таинства крещения еще и не принял, разрешил публично признавать христианство, к которому отец его всегда питал ненависть. «Поставив, таким образом, священников по всем церквям королевства Данского, этот божий святой поручил, как рассказывают, все множество верующих опеке Гарольда, а сам, обеспеченный его поддержкой и сопровождаемый его послом, проник на все острова данов, возвещая здесь слово божье и укрепляя в вере найденных им в плену христиан». «Отсюда, идя по следам великого проповедника Анскария, он без труда добрался по Балтийскому морю до Бирки», главного города Швеции, «куда после смерти св. Анскария никто из учителей 70 лет приходить не отваживался, кроме только, как мы читаем, Реймберта. Бирка — знаменитый город готов, расположенный в середине Швеции». Его омывает залив Балтийского моря, образуя удобную гавань, куда имеют обыкновение заходить по разным торговым делам все корабли данов, норвегов, а также славян и сембов и других скифских народов. Высадившись со своим необычным посланничеством именно в этой гавани, исповедник господень начал призывать народы. Ибо свеоны и готы по причине различных опасностей времени и свирепой жестокости своих королей совершенно забыли христианскую религию. Но, по милости божьей, были они святым отцом Унни снова

в веру обращены. Когда евангелист божий, выполнив дело своего посланничества, собирался уже возвращаться, он был неожиданно застигнут недугом и сложил в Бирке бремя измученного тела. Он скончался, завершив свой благородный путь в 936г. от рождества Христова. После него архиепископство наследовал достопочтенный Адельдаг.

ОБРАЩЕНИЕ ГАРОЛЬДА

В этом же году случилось, что переселился из этого мира и сланный король Генрих, а на престол вступил сын его Оттон, прозванный Великим. Когда он начал править, много обид пришлось ему претерпеть от своих братьев. Король же данов, который платил дань отцу его, теперь сбросил иго рабства и поспешно поднял оружие на защиту своей свободы. И прежде всего он убил маркграфа, который сидел в Шлезвиге, что иначе называется Гейдебо, вместе с послами короля Оттона и до основания истребил всю колонию саксов, которая там находилась. Стараясь добиться нового положения дел, славяне тоже начали волноваться, наводя великий страх на соседние земли саксов.

Король Оттон, опираясь на поддержку господ бога, едва лишь освободился от козней своих братьев, как учинил суд и справедливость над своим народом. Потом, после того как все почти государства, отпавшие после смерти Карла, подчинились его власти, он поспешил поднять оружие против данов. Перейдя с войском границу Дании, проходившую тогда у Шлезвига, «он мечом и огнем опустошил всю страну, вплоть до самого отдаленного моря, которое отделяет нортманнов от данов и по сей день в честь этой победы короля называется Оттензунд. Когда он вступал в страну, король Гарольд завязал с ним под Шлезвигом бой, в котором, хотя обе стороны бились одинаково храбро, победу одержали, однако, саксы, а даны обратились в бегство и отступили на кораблях. В таких, располагавших к миру, условиях, Гарольд подчинился Оттону и, принимая от него престол, обязался ввести в Дании христианство. И

без промедления крестился с женой своей Гуннильдой и маленьким сыном, которого наш король, будучи его восприемником при святом крещении, назвал Свен Оттоном». В то время вся Дания приняла христианскую веру и, «разделенная на три епископства, была подчинена Гамбургской митрополии». «Таким образом, святейший Адельдаг был первым, кто поставил епископов в Дании», и с тех пор Гамбургская церковь получила своих викариев. «Вслед за таким началом божественного милосердия христианство достигло здесь такого роста, что с этого времени и вплоть до сегодняшнего дня церкви данов, как кажется, изобилуют многочисленными плодами, собранными среди северных народов».

Завершив надлежащим образом эти дела в Дании, доблестный король Оттон обратил свое войско на усмирение восставших славян, и их, которых «отец его некогда покорил в одной только битве, он теперь со столь великой суровостью обуздал, что они ради сохранения жизни и отечества охотно обещали победителю и дань платить и обратиться в христианство. И весь этот языческий народ был окрещен. Тогда впервые были основаны церкви в Славянии. Об этих делах и о том, как они совершались, удобнее будет написать что-либо в другом месте».

О ГЕРЦОГЕ ГЕРМАНЕ

«Когда величайший из победителей, Оттон, был призван в Италию для освобождения апостольской столицы, он, как говорят, принял решение оставить кого-нибудь вместо себя для совершения правосудия в тех областях, которые граничат с язычниками.

Со времен Карла Саксония из-за давнишних волнений среди этого народа никогда не знала над собой никакого другого государя, кроме императора». Но теперь, чтобы в его отсутствие даны или славяне не предприняли чего-нибудь нового, король, побуждаемый необходимостью, «поручил впервые попечение над Саксонией

Герману. Полагаю нужным кое-что рассказать об этом муже и роде его», так как в наше время он приобрел большую силу.

«Муж этот, происходивший из бедной семьи, сперва довольствовался, как говорят, семью мансами и столькими же крестьянами, доставшимися ему по наследству от родителей. Потом, обладая острым умом и красивой наружностью, а кроме того, отличаясь честностью и смирением, которые проявил в отношении господ и равных себе, он скоро стал известен при дворе и вошел в доверие к самому королю, который, узнав трудолюбие юноши, принял его в число своих слуг. Затем король определил его наставником к своим сыновьям, а вскоре, когда его благополучие упрочилось, поручил ему должность префекта. Строго выполняя свои обязанности, он, как рассказывают, даже своим собственным крестьянам, доставленным в суд по обвинению в краже, вынес приговор, осуждавший: их всех на смерть. Необычайность поступка сделала его любезным народу и знаменитейшим во дворце. Когда же он получил Саксонское герцогство, то управлял этой провинцией по закону и справедливости, а в защите святых церквей оставался ревностным до конца.

Поручив такому мужу свою власть в этой провинции, благочестивейший король удалился в Италию. Созвав здесь собор епископов, он приказал им низложить обвиненного во многих преступлениях папу Иоанна, по прозвищу Октавиан, хотя тот был в отсутствии, желая бегством избежать суда, а вместо него поставить протуса Льва, которым вскоре был коронован, когда на -м году его правления народ римский провозгласил его императором и августом. От коронации же Карла Великого в Риме прошло к этому времени года.

Пробыв с сыном в то время в Италии 5 лет, император победил сыновей Берингария и вернул Риму прежнюю его свободу».

Возвратившись на родину, он отдал все свои силы обращению народов в христианство, особенно же славян, что, согласно его намерениям, и сбылось с помощью господина, который укреплял десницу императора во всех делах.

ОБ АРХИЕПИСКОПЕ АДАЛЬБЕРТЕ

«После того как народы славянские были покорены и обращены в христианскую веру, Оттон Великий основал на берегах реки Альбии знаменитый город Магдебург и, утвердив его в качестве митрополии для славян, велел посвятить там в архиепископы Адальберта, мужа высокой святости. Первый поставленный в Магдебурге, он в течение 12 лет ревностно управлял архиепископством и, проповедуя там, обратил многие славянские народы в христианство. Посвящение его совершилось на 35-м году правления императора, а со дня посвящения св. Анскария прошло 137 лет». «Магдебургскому же епископству подчинена вся Славяния вплоть до реки Пены. Викарных же епископств — пять, из которых Мерзебург и Цицен учреждены на реке Сале, Мисна — на Альбии, Бранденбург и Гавельбург — внутри страны. Шестым епископством славянской земли является Альденбургское». Вначале император Оттон намеревался подчинить это епископство, так же, как и все остальные, Магдебургу, однако впоследствии архиепископ гамбургский Адельдаг потребовал его себе в силу старых императорских привилегий, в которых описаны границы его церкви.

О ЕПИСКОПЕ МАРКЕ

Альденбург — это то же, что на славянском языке Старгард, то есть старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части побережья Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или провинция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и всегда все войны или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших.

Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на земли бодричей, хижан и тех, которые живут еще дальше.

Когда вся славянская земля, как выше сказано, была покорена и разорена, тогда и город Альденбург обратился в христианскую веру и стал самым большим по числу верующих. Епископом в этом городе преславный император поставил достопочтенного мужа Марка, подчинив ему всю землю бодричей до реки Пены и города Димина; кроме того, он поручил его попечению славный город Шлезвиг, подругому называемый Гейдебо.

В то время Шлезвиг с прилегающей землей, а именно той, которая простирается от озера Шлея до реки Эгдоры, был подчинен Римской империи. Это была обширная и богатая плодами, но в высшей степени пустынная земля, так как, расположенная между океаном и Балтийским морем, она истощалась от частых, обрушивавшихся на нее нападений. После того же, как, благодаря милосердию божьему и доблестям Оттона Великого, повсюду воцарился прочный мир, пустынные вагрские и шлезвигские земли стали заселяться, так что вскоре уже не оставалось ни одного уголка, который не был бы достопримечателен своими городами и деревнями, а также многочисленными монастырями. До сих пор еще сохраняется множество следов этой древней жизни, главным образом в лесу, который длинной полосой тянется от города Лютилинбурга до самого Шлезвига. Обширная и безлюдная, с трудом проходима, эта пуща скрывает среди густой своей растительности борозды, которыми некогда были разделены нивы; расположение валов говорит о внешнем виде находившихся здесь крепостей и городов, плотины же, насыпанные в многочисленных ручьях, чтобы накапливать воду для мельниц, свидетельствуют, что вся эта лесистая полоса была некогда заселена саксами.

Итак, первым епископом в этом новом рассаднике веры был, как я уже сказал, Марк, который омыл народы вагров и бодричей в святом источнике крещения. После его смерти Шлезвиг был удостоен чести иметь своего отдельного епископа. Альденбургскую же кафедру получил в управление достопочтенный муж Эквард, который многих славян обратил к господу. Он был посвящен св. Адельдагом, архиепископом гамбургским. И выросло тогда число верующих, и не осталось ничего, что мешало бы молодой церкви в продолжение всего правления Оттонов. Как известно, их было три, и все они были охвачены одинаковым рвением в обращении славян. И вся земля вагров, бодричей, хижан наполнилась церквами и священниками, монахами и посвятившими себя богу девами. Впоследствии Альденбургская церковь была освящена в память св. Иоанна Крестителя, удостоенная чести быть матерью церквей. Микилинбургская же церковь была основана в честь главного из апостолов, Петра, и имела при себе женский монастырь. Альденбургские епископы были весьма почитаемы среди славянских князей, так как, щедротами великого императора Оттона обильно одаренные, они могли широко жертвовать и снискать себе любовь народа.

Ежегодно со всей земли вагров и бодричей вносилась епископу считавшаяся десятиной дань: с каждого плуга по мере зерна и по 40 пучков льна и по 12 монет чистого серебра; сверх того, одна монета как вознаграждение для сборщиков. Славянский же плуг составляет пару волов или одну лошадь. О поселениях же, или о поместьях, или о количестве дворов, которые относились к владениям епископа, не стоит говорить в этом труде, так как «старое предано забвению и наступило новое.

О ЕПИСКОПЕ ВАГЕ

На 38-м году своего правления (973), на 11-м году императорства «великий государь Оттон, покоритель всех северных народов, счастливо отошел к господу и был погребен в своем городе

Магдебурге. Ему наследовал сын его Оттон II — и в течение 10 лет деятельно правил империей. Тотчас после того, как им были побеждены франкские короли, Лотарь и Карл, он перенес войну в Калабрию (983) и здесь, в войне с сарацинами и греками, сначала победитель, потом побежденный, скончался в Риме. Наследовавший после него престол Оттон III, по возрасту еще мальчик, украшал трон в течение 18 лет крепким и справедливым правлением.

В это время умер Герман, герцог саксонский, и правителем оставил после себя сына своего, Бенно, который известен тоже как муж добрый и храбрый, кроме того лишь, что, не походя в этом на своего отца, он мучил народ свой грабежами».

В Альденбурге скончавшемся Экварду наследовал Ваго. Этот епископ, живший среди славян в величайшем благополучии, имел, как рассказывают, прекрасную сестру, руки которой домогался князь бодричей, по имени Биллуг. И когда он часто направлял посольства к епископу по этому делу, то некоторые из друзей епископа отвергали его просьбу неосторожными и обидными словами, говоря, что несправедливо такую красивую девицу соединять с этим неотесанным и диким человеком. Он притворно подавил это оскорбление, и, преследуемый муками любви, не прекратил повторять свои мольбы. Тогда епископ, боясь, как бы из-за этого не вышло чего-нибудь плохого для молодой церкви, благосклонно пошел навстречу его требованию и отдал свою сестру ему в супруги. От нее была у него дочь, по имени Годика, которую дядя ее, епископ, поместил в женский монастырь, а когда она обучилась священному писанию, поставил ее аббатисой над монахинями, которые находились в Микилинбурге, хотя она годами еще не вышла. Брат ее Мечислав с трудом переносил все это, питая ненависть, хотя и тайную, к христианской религии и опасаясь, как бы, следуя такому примеру, чужеземные обычаи не распространились бы в стране. Отца же своего он часто порицал за то, что тот, как будто лишившись ума, пристрастился к ненужным и пустым новшествам и не боится отступить от закона своих отцов, ибо

сначала взял в жены тевтонку, потом дочь свою поместил в монастырскую келью. Когда он такими словами часто отца подстрекал, тот понемногу начал колебаться духом и размышлять, как бы ему устранить жену и изменить положение дел. Но страх удерживал его от каких-либо действий, ибо начало серьезных дел бывает всегда трудно, да и храбрость саксов очень его страшила. Ведь если бы он прогнал сестру епископа и уничтожил бы божественное дело, то ему пришлось бы немедленно вступить в войну.

О ХИТРОСТИ БИЛЛУГА

Случилось как-то епископу прибыть в город бодричей Микилинбург, и Биллуг со знатнейшими людьми вышел ему навстречу, принимая его с притворным уважением. И вот в то время, когда епископ однажды занимался общественными делами, упомянутый князь бодричей обратился при всех к нему с такой речью: «Великую благодарность должен я принести тебе, достопочтенный отец, за милость твою, хотя и понимаю, что никаких сил у меня не хватит, чтобы достойно ее выразить. О личных благодеяниях, которые ты мне оказал, которые многочисленны и требуют длинных речей, в настоящую минуту я не буду говорить. Но я вынужден вспомнить об общем для всей страны благе. Твои старания о восстановлении церквей и спасении душ для всех очевидны, однако известно также, сколько оскорблений со стороны государей благодаря своей предусмотрительности ты от нас отвел, так что мы можем существовать в мире и спокойствии, сохраняя их милость. Поэтому мы тотчас же вручили бы чести твоей и себя, и все наше, если бы от нас этого потребовали. Я осмеливаюсь обратиться к тебе с маленькой просьбой, и не смущай меня отказом. Существует у бодричей считающаяся десятиной дань в пользу епископа, а именно с каждого плуга, который соответствует двум волам или одной лошади, вносится одна мера зерна, 40 пучков льна и 12 монет хорошей монеты; кроме того, одна монета, которая полагается сборщику. Прошу тебя, позволь собирать это мне на содержащие племянницы твоей, т. е. моей дочери. Чтобы тебе не показалось, что я прошу этого в обиду тебе и в ущерб твоему содержанию, я прибавляю к твоим владениям во всех

городах, имеющих в земле бодричей, деревни, которые ты сам выберешь, сверх тех, которые давно уже перешли под власть епископа по императорским пожалованиям».

Епископ, не замечая хитрости этого ловкого человека, скрытой за красивыми словами, и думая, что ничем не повредит себе при этом обмене, без промедления согласился выполнить его просьбу. Он сам выбрал себе во владение самые большие деревни, а дань, о которой я упоминал выше, уступил своему шурина, чтобы тот собирал ее на нужды своей дочери. Пробыв довольно долго у бодричей, он разделил землю между колонами, чтобы они ее обрабатывали, и, устроив все, вернулся к ваграм. Находиться здесь было ему удобнее и безопаснее, ибо славяне по природе своей ненадежны и ко злу склонны, а поэтому их следует остерегаться.

Кроме других подворий, было у епископа два особенно богатых, где он чаще всего останавливался,— одно в местечке, которое называется Бузу, другое на реке Травне, в месте, именуемом Незенна, где находился храм и каменный дом, развалины которого я видел в юности, неподалеку от подошвы горы, которую древние называли Ойльберг, современники же по крепости, на ней возведенной,— Зигеберг.

Через много дней, в течение которых епископ Ваго, очень занятый другими делами, редко посещал землю бодричей, вышеупомянутый Биллут вместе с сыном своим Мечиславом, используя благоприятные условия, понемногу сплел хитрость, задуманную им против своего господина и пастыря. Тайком он начал опустошать грабежами владения епископа, которые тот ему, как верному человеку и своему шурина, отдал под надзор, и стал посылать в них своих слуг, которые украдкой похищали у колонов лошадей и различное имущество. Он стремился довести дело до того, чтобы епископ лишился прав как на

десятину, так и на владения, считая, что если приведет в расстройство главу церкви, то легче будет уничтожить служение.

Между тем епископ, прибыв в землю бодричей и учинив здесь со своими колонами розыск, с полной ясностью раскрыл, благодаря чьим козням причинено такое разграбление его владениям. Охваченный возмущением и ужасом, что неудивительно, так как в тех, кого он считал самыми близкими друзьями себе, он открыл злейших врагов, и опасаясь, как бы уже существующий новый рассадник веры не отпал, он начал сильно колебаться духом. Прибегнув наконец к средству, которое представлялось ему для этого времени наиболее безопасным, он стал испытывать, не удастся ли ему исцелить медленно подкрадывающуюся болезнь словами убеждения, и начал льстивыми речами уговаривать своего шурина, чтобы тот отказался от принятого намерения и не отдавал церковных владений на разграбление разбойникам, пугая его, что если он не образумится, то впадет в немилость не только у господина, но и у императора. Тот, готовя в ответ на упреки новую хитрость, сказал, что никогда он против господина своего и пастыря, к которому всей душой всегда в высшей степени расположен, не предпринимал таких бесчинств; если что было, то все это произошло вследствие козней разбойников, которые, иногда приходя сюда от ран или вильцев, не щадят и его владений; он охотно примет участие и советом и помощью, чтобы их задержать.

Легко убедить простодушного человека отказаться от имеющегося у него мнения. Когда удовлетворенный епископ удалился, они тотчас же, нарушив свои обещания, опять вернулись к начатым гнусным делам и к грабежу деревень. присоединили еще поджоги. Кроме того, они пригрозили смертью всем колонам, на которых распространялось право епископа, если они как можно скорее не покинут поместье. Таким образом, в короткое время владения епископа были опустошены.

К этим злодеяниям прибавилось еще то, что этот самый Биллут нарушил права супружества, а именно, прогнал от себя сестру епископа. Это обстоятельство послужило главным поводом к вражде, и дела церкви начали понемногу колебаться. Положение молодой церкви не могло поправиться, ибо Оттон Великий к тому времени уже давно покинул этот мир, а Оттон II и III были заняты войнами в Италии, и по этой причине славяне, используя удобное время, начали мало-помалу подниматься не только против законов божеских, но и против императорских постановлений. Один только герцог саксонский, Бенно, сохранял, казалось, какую-то тень власти над ними, хотя и очень бледную. Уважение к нему славян сдерживало их движение, и они пока и от христианской религии не отпадали и не поднимали оружия.

Когда Ваго скончался, ему наследовал на кафедре Эзико. Посвящение он получил от св. Адельдага, архиепископа гамбургского. Как мы узнали, до разрушения Альденбургской церкви в ней перебывало четыре епископа, а именно:

Марк, Эквард, Ваго и Эзико, во времена которых славяне твердо придерживались христианской веры, «повсюду в славянских землях воздвигались храмы, было выстроено много монастырей для мужчин и женщин, посвятивших себя служению богу». Свидетелем этому является магистр Адам, красноречивым языком описавший деяния епископов Гамбургской церкви. Указывая, что «Славяния была разделена на 18 округов, — он утверждает, — все они, кроме трех, были обращены в веру Христову».

О СВЕНЕ, КОРОЛЕ ДАНСКОМ

В то время «Болеслав, благочестивейший король польский, в союзе с Оттоном III обложил данью всю Славию», что лежит за Одрой, а также «Русь и земли прусов, где претерпел муки епископ Адальберт, останки которого Болеслав тогда перенес в Полонию». Князьями у

славян, называемых винулами, или винитами, «были в то время Мечислав, Након и Зедерих. При них сохранялся непрерывный мир, и славяне платили дань».

Не следует, кажется, пройти мимо того, что этот самый Мечислав, князь бодричей, публично признавая веру христову, а втайне ее преследуя, выкрал сестру свою, богу предназначенную девицу Годиду, из женского монастыря в Микилинбурге, соединив ее бесстыдным браком с неким Болеславом; остальных же девиц, которые там находились, одних своим рыцарям в жены отдал, других отправил в землю лютичей и ран, так что монастырь этот совсем опустел.

В эти же дни, попущением божьим за грехи человеческие, нарушилось спокойствие среди данов и славян, и враг покусился посеять плевелы поверх прекрасных ростков божественной религии. Ибо у данов Свен Оттон, сын благочестивейшего короля Гарольда, возбуждаемый дьяволом, начал ковать многочисленные козни против своего отца, желая лишить его престола, как человека якобы престарелого и слабого силами, а дело насаждения христианства из пределов Дании совсем устранить. Гарольд же, как выше сказано, сначала язычник, потом благодаря наставлению великого отца Унни обратившийся в христианскую веру, проявил такое рвение в почитании бога, что не было ему подобного среди всех королей Дании, который бы такую большую северную страну привел к познанию божественной веры и украсил всю ее церквами и пастырями. Усердие этого мужа в делах божественных было исключительным, но с не меньшим усердием постигал он и дела земные. В тех именно, которые, как считается, относятся к управлению государством, он столь отличался, что установил законы и права, которыми вследствие большого влияния этого мужа не только даны, но и саксы до наших дней пользуются. Подстрекаемые теми, которые отказывались служить богу и мирно повиноваться королю, даны единодушно отреклись от христианства и, возведя нечестивого Свена на престол, объявили отцу его, Гарольду, войну.

Он, с самого начала своего правления всегда возлагавший надежду только на бога, теперь тем более вверил господу исход дела, скорбя не столько об опасности, ему угрожавшей, сколько о проступке сына и о стеснении церкви. Понимая, что волнений не удастся подавить без войны, он против воли взялся за оружие, поощряемый теми, которые старались проявлять непоколебимую верность господу и королю своему.

Таким образом, дело дошло до войны. В этом столкновении были побеждены сторонники Гарольда, многие были ранены или убиты. Сам же Гарольд, тяжело раненный, покинул поле битвы и, сев на корабль, бежал в знаменитый город славян, по названию Юмнета. «Хотя жители его и были язычниками, однако, вопреки ожиданиям, он был ими дружелюбно принят, но спустя несколько дней, изнемогший от раны, умер, исповедуя веру Христову». Его следует причислить не только к королям, ставшими достойными пред лицом господа, но и к славным мученикам. «Всего правил он 50 лет». После его смерти престолом завладел Свен и начал свирепствовать в жестокости своей, изоощряясь в страшных преследованиях христиан. Тогда поднялись все недруги в северных странах, радуясь, что настало время для злобы их, то есть для войн и мятежей, и начали тревожить соседние государства и с суши, и с моря.

Собрав сначала морские войска, они проплыли кратчайшим путем через Британское море и пристали к берегам реки Альбин, где, неожиданно напав на мирных и бесстрашных жителей, опустошили всю приморскую страну Гателен и всю ту землю саксов, которая расположена по берегам реки, и дошли до Стадии, удобной гавани для кораблей, опускающихся по Альбин. Опечаленные быстро распространившейся вестью об этом, графы Зитфрид и Теодорик и другие знатные лица, на которых лежала оборона страны, поспешили навстречу язычникам и, хотя их было очень мало, связанные условиями времени, напали на неприятеля в упомянутом порту Стадии. Произошла жаркая битва, в которой даны, победив,

полностью уничтожили доблестных саксов. Оба графа и другие знатные мужи и воины, которые избежали смерти, связанные и скованные, были отведены на корабли. Граф Зигфрид бежал ночью с помощью какого-то рыбака и таким образом избежал плена. Поэтому, охваченные яростью, варвары отрубили руки и ноги у всех знатных, кто был у них в заключении, и, вырвав у них ноздри, полумертвых выбросили на сушу. А потом все, что оставалось в этой стране, безнаказанно разграбили. Другая часть пиратов, проплыв по реке Вирраге, опустошила весь берег этой реки, вплоть до Лестмоны, и прибыла с большим числом пленных на болото Глиндесмор. Здесь, когда они заставили одного пленного саксонского рыцаря показать им дорогу, он завел их в самые непроходимые места болота, где они, утомленные преследовавшими их саксами, были легко в тот день разбиты, и 20 тысяч из них погибло. Имя этого рыцаря, который завел их в непроходимые места, было Геривард. Саксы воздают ему вечную славу

КАКИМ ОБРАЗОМ СЛАВЯНЕ ОТПАЛИ ОТ ВЕРЫ

Около этого времени «закончился год от воплощения господня 1001-й, и в этом году храбрейший император Оттон III, уже в третий раз вступив победителем в Рим, был застигнут преждевременной смертью и скончался». Ему наследовал на престоле благочестивый Генрих, славившийся своей справедливостью и святостью, тот самый, говорю я, который основал Бамбергское епископство и проявлял величайшую щедрость в почитании церкви.

На десятом году его правления умер герцог саксонский, Бенно, муж, известный своей честностью и ревностный защитник церквей. Герцогство унаследовал сын его, Бернард. Он не был столь счастлив в своих делах, как его отец, ибо с того самого времени, как стал он герцогом, в этой стране никогда не прекращались раздоры и волнения, потому что, осмелившись восстать против императора Генриха, герцог увлек за собой против него всю Саксонию. Потом, поднявшись против Христа, начал он преследовать и тревожить все

церкви в Саксонии, а особенно те, которые не хотели присоединиться к злобе его в означенном восстании. Ко всем этим бедам прибавилась та, что этот же герцог предал полному забвению то расположение, которое его отец и дед питали к славянам, и столь жестоко угнетал народ винулов своей жадностью, что поставил их в необходимость вернуться к язычеству.

В это время маркграф Теодорик и герцог Бернард захватили славянские земли, овладев один восточной их частью, другой—западной. Их «безрассудство заставило славян стать вероотступниками». Потому что эти, до сих пор еще неискушенные в вере, языческие народы, с которыми некогда лучшие государи с великой лаской обращались, умеряя свою суровость в отношении тех, к спасению коих усердно стремились, оба они с такой жестокостью преследовали, что те, сбросив иго, пытались защищать свою свободу оружием.

«Князьями у винулов были Мстивой и Мечидраг, под руководством которых вспыхнул мятеж». Как говорят и как известно по рассказам древних народов, Мстивой просил себе в жены племянницу герцога Бернарда, и тот ему ее обещал. Теперь этот князь винулов, желая стать достойным обещания, отправился с герцогом в Италию, имея при себе тысячу всадников, которые были там почти все убиты. Когда, вернувшись из похода, он попросил обещанную ему девицу, маркграф Теодорик отменил это решение, громко крича, что не следует отдавать родственницу герцога собаке. Услышав это, Мстивой с негодованием удалился. Когда же герцог, переменив свое мнение, отправил за ним послов, чтобы заключить желаемый брак, он, как говорят, дал такой ответ: «Благородную племянницу великого государя следует с самым достойным мужем соединить, а не отдавать ее собаке. Великая милость оказана нам за нашу службу, так что нас уже собаками, а не людьми считают. Но если собака станет сильной, то сильными будут и укусы, которые она нанесет». Сказав так, он вернулся в Славию. Прежде всего он направился в город Ретру, что в земле лютичей.

Созвав всех славян, живущих на востоке, он рассказал им о нанесенном ему оскорблении и о том, что на языке саксов славяне собаками называются. И они сказали: «Ты страдаешь по заслугам, ибо, отвергая своих, ты стал почитать саксов, народ вероломный и жадный. Поклянись же нам, что ты бросишь их, и мы станем с тобой». И он поклялся.

Когда герцог Бернارد поднял при таких обстоятельствах оружие против императора, славяне, Используя удобное время, собрали войско и «сначала опустошили мечом и огнем всю Нордальбингию, затем, пройдя остальную Славию, сожгли и разрушили все до одной церкви, священников же и других служителей церкви разными истязаниями замучили, не оставив по ту сторону Альбии и следа от христианства», «в Гамбурге же в это время и позднее многих из священников и городских жителей в плен увели, многих из ненависти к христианству поубивали». Старцы славянские, которые хранят в памяти все деяния язычников, рассказывают, «что больше всего христиан оказалось в Альденбурге. Перерезав всех их, как скот, священников они оставили на поругание. Главный из них в этом городе носил имя Оддар. Вместе с остальными он был предан такой мученической смерти: разрезав железом кожу на голове в форме креста, вскрыли, таким образом, у каждого мозг, потом связали им руки за спиной и так водили исповедников божьих по всем славянским городам, пока они не умерли. Так, превращенные в зрелище для ангелов и людей, они испустили дух посреди своего мученического пути, как победители. О многом, подобном этому, совершавшемся в то время в разных славянских и нордальбингских землях, вспоминают старые люди, но из-за отсутствия тогда хронистов все это принимается теперь за басни. Столько мучеников было тогда в славянских землях, что о всех едва ли можно написать в одной книге».

«Так, все славяне, которые живут между Альбией и Одрой, в течение 70, а то и больше лет, а именно во все время правления Оттонов

исповедовали христианскую веру, и вот каким образом они отделились теперь от тела Христова и церкви, с которой раньше были связаны. О, сколь скрыты пути проявления над людьми правосудия господня, он «кого хочет милует, а кого хочет ожесточает». Исполненные изумления перед его всемогуществом, мы видим, что те, которые первыми уверовали, потом к язычеству вернулись, а те, которые казались последними, к Христу обратились. Он, этот судья праведный, сильный и терпеливый, который некогда, уничтожая в присутствии Израиля семь колен ханаанских, сохранил лишь чужеземцев, чтобы этим способом испытать Израиль, он, говорю, хотел теперь укрепить только небольшое число язычников, чтобы при посредстве их смутить наше неверие».

«Это происходило в последние годы жизни архиепископа Либентия Старого при герцоге Бернарде, сыне Бенно, который тяжело угнетал славянский народ». «Теодорик, маркграф славян», которому, так же как и упомянутому Бернарду «были свойственны жадность, а также жестокость, был лишен должности и всего наследственного владения и, став приходским священником в Магдебурге, он окончил там жизнь худой смертью, как того заслужил». Мстивой, князь славянский, мучимый в последние годы своей жизни раскаянием, обратился к господу, и «так как не хотел отречься от христианства, то был изгнан из отечества, бежал к бардам и там дожил до глубокой старости, сохранив верность христианской религии».

О ЕПИСКОПЕ УНВАНЕ

Когда в Альденбурге умер Эзико, Преемником его стал Фольквард, после него — Регинберт. Из них первый, Фольквард, изгнанный во время преследований христиан из Славии, ушел в Норвегию, тут многих к господу приобщил и с радостью вернулся в Бремен. В Гамбургской же митрополии за Адальдагом, который первый посвящал епископов в Альденбурге, последовал Либентий, муж, славившийся своей святостью. В его время славяне отпали от веры. После него был Унван, «происходивший из знаменитого города, кроме

того, богатый и щедрый, любезный всем людям, весьма расположенный к духовенству». В то время, когда герцог Бернард поднял со своими сторонниками восстание против императора Генриха и относился сурово и враждебно ко всем церквям в Саксонии, особенно к тем, которые не желали нарушать верность императору, «архиепископ Унван, как говорят, великодушием своим охладил горячность этого мужа, так что, побужденный мудростью и благородством епископа, герцог, ранее отвратившийся от церкви, потом стал во всем к ней благосклонным. И, внимая совету архиепископа, смягчился, наконец, мятежный государь и под Скальцисбургом со смирением протянул руку императору Генриху. Затем, также при поддержке епископа, он обложил славян данью и вернул мир Нордальбингии и Гамбургской митрополии.

До восстановления разрушенной славянами митрополии достопочтенный архиепископ выстроил, как говорят, новые город и церковь и выделил для последней по три брата от каждого из своих мужских монастырей, так что всех было 12, чтобы они жили в Гамбурге, согласно законам церкви, и отвращали народ от заблуждений идолопоклонства. После смерти Регинберта он посвятил в епископы Славянин Бенно, мужа ревностного, который, будучи избран из числа братьев Гамбургской церкви, принес обильные плоды, проповедуя среди славянского народа».

О ЕПИСКОПЕ БЕННО

Бенно, муж большого благочестия, желая восстановить разрушенную в Альденбурге кафедру, начал разузнавать о владениях и доходах, которые были пожалованы епископству Оттоном Великим. По так как после разрушения Альденбургской церкви древние учреждения и дарения великих государей пришли в забвение и находились в руках славян, то поэтому упомянутый епископ стал жаловаться в присутствии герцога Бернарда на то, что ватры и бодричи и другие славянские племена отказываются платить полагающиеся ему подати. Тогда были созваны на собеседование князья винулов,

которые, будучи опрошены, почему они уклоняются от выплаты епископу законного содержания, начали перечислять разные тягости поборов и говорить, что лучше уйдут из земли, чем возьмут на себя еще более высокие дани. Понимая, что он не сможет восстановить права церкви в том виде, который они имели при Оттоне Великом, герцог, пустив в ход просьбы, едва добился того, чтобы по всей бодрицкой земле, с каждого дома — бедного или богатого — вносилось по две монеты епископам в доход. Кроме того, епископу были возвращены для заселения известные поместья — Бузу и Незенна — и остальные владения в земле вагров. Те же, которые были расположены в отдаленной части Славин и, как упоминает древнее предание, когда-то относились к Альденбургскому епископству, каковы Деричево, Морице, Куцин со всеми угодьями, епископ Бенно никогда от герцога так и не смог получить, хотя возвращения их часто добивался. Когда же благочестивому императору Генриху стало угодно созвать сейм в замке Вербене, что по эту сторону Альбии, чтобы испытать образ мыслей славян, то все князья винулов пришли к императору и в его присутствии заявили, что будут повиноваться империи на благо миру и покорности. Когда епископ альденбургский повторил здесь императору старую жалобу относительно земельных владений своей церкви, славянские князья, спрошенные о владениях, принадлежащих епископу, признали, что упомянутые города со своими предместьями должны принадлежать церкви и епископу. Кроме того, все бодричи, хижане, полабы, вагры и остальные племена славянские, входившие в пределы Альденбургской церкви, дали обещание платить весь тот оброк, который был установлен Оттоном Великим в качестве десятины на содержание церквей. Однако это обещание их оказалось сплошным притворством и обманом. Ибо как только император, распустив сейм, обратился к другим делам, они об обещанном и думать перестали. Ибо герцог саксонский Бернард, в военных делах усердный, но весь преисполненный жадности, живущих по соседству славян, которых подчинил себе войнами или договорами, столь большими поборами обложил, что они ни о боге больше не помнили, ни священникам ни в чем не оказывали благожелательности. Поэтому исповедник Христов, Бенно, видя, что дело его посланничества государи этого мира не только не

поддерживают, а, напротив, чинят ему всяческие препятствия, измученный напрасным трудом и не находя места, где бы отдохнула стопа его, отправился к святейшему мужу Беренварду, епископу хильдесгеймскому, рассказал ему о своем затруднительном положении и просил утешения в своей беде. Тот, будучи мужем кротким, принял гостя радушно, оказал утомленному услуги человеколюбия и из средств своей церкви обеспечил его содержание, пока тот, отправившись выполнять дело своего посланничества, не найдет, вернувшись, безопасного места, в котором мог бы оставаться.

В это время упомянутый епископ Беренвард основал в отошедшем ему по наследству владении, потратив на это, как можно видеть, громадные средства, большой храм св. Михаила архангела и привлек сюда великое множество монахов, для служения господу. Когда церковь, согласно обету, была выстроена, на объявленное торжество ее освящения сошлось бесчисленное множество народа. И наш епископ Бенно здесь в то время, когда он освящал левую половину церкви, был так сдавлен и помят народом, что после нескольких дней все усиливавшегося недуга расстался с жизнью и был с почетом похоронен в северном приделе церкви. Преемником его стал Мейнгер, принявший благословение от Либентия II. После него был Абелин, посвященный архиепископом Алебрандом.

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГОТШАЛКОМ ХРИСТИАН

«В те дни прочный мир господствовал» в Славии, потому что Конрад, который наследовал (1024) императору Генриху Благочестивому, усмирил вендов частыми войнами. Однако христианская религия и служение господу не получили от этого большой выгоды, чему виной явилась жадность герцога и саксов, которые, все захватывая, не давали, чтобы церквам и священникам что-нибудь осталось.

Князьями у славян были Анадраг, Гнеус и, третий, Удо, плохой христианин, за что, а также за овою жестокость, был неожиданно убит

каким-то саксом-перебежчиком. Сын его, по имени Готшалк, обучался наукам в школе в Люнебурге. Когда он узнал о смерти отца, то оставил веру и ученье и, перейдя реку, пришел к народу винитов. Собрав много разбойников, в знак мести за отца, он обрушился на всю нордальбинскую землю и учинил такое избиение христианского народа, что жестокость его перешла все границы. В стране гользатов и штурмаров и тех, которых называют дитмаршами, ничего не осталось, что бы избежало его руки, кроме известных крепостей Эзего и Бокельдебург; здесь нашло приют некоторое число вооруженных людей с женщинами, детьми и имуществом, сохранившимся от разграбления.

Когда упомянутый князь, по обычаю разбойников, однажды проезжал по полям и лесам, он увидел, что страна, некогда полная людей и церквей, превратилась теперь в пустыню, и содрогнулся от ужаса, видя плоды своей жестокости, и, движимый сердечной печалью, он решил, наконец, удержать руку свою от нечестивых поступков. Отдалившись на короткое время от своих сторонников, уходя якобы в засаду, он неожиданно наткнулся на какого-то сакс-христианина. Когда тот, издали заметив идущего вооруженного человека, бросился бежать, он громким окриком велел ему остановиться и поклялся, что не причинит ему никакого зла. И когда испуганный человек, поверив, остановился, он начал расспрашивать у него, кто он такой и что слышно нового. И тот оказал: «Я — бедный человек, родом из Гользатии. Плохие слухи доходят ежедневно до нас, а именно, что этот князь славянский, Готшалк, великое зло причиняет народу нашему и земле нашей и кровью нашей хочет насытить жажду жестокости своей. Поистине, пришло время, чтобы господь, спаситель наш, отомстил за наши обиды». Готшалк ему ответил: «Во многом обвиняешь ты этого человека, князя славянского. Действительно, большие обиды причинил он народу и земле вашей, воздавая великую месть за смерть своего отца. Я и есть этот самый человек, о котором идет речь, и я пришел, чтобы поговорить с тобой. Прискорбно мне, что столько беззаконий совершил я против господа и христиан, и я горячо желаю вернуть себе

милость тех, с которыми, знаю, так несправедливо я поступил. Прими слова мои и, вернувшись к своему народу, объяви ему, чтобы он прислал в указанное мною место верных мужей, которые бы со мной тайно повели переговоры о союзе и условиях мира. Совершив это, я передам в их руки всю эту толпу разбойников, при которых меня удерживает больше необходимость, чем желание». И, так промолвив, указал ему место и время. И тот, придя в крепость, в которой с великим страхом прятались оставшиеся в живых саксы, объявил старейшинам это слово сокровенное, побуждая их всеми способами, чтобы послали мужей в указанное для переговоров место. Но они не направили их, считая, что это — коварный прием, удобный для устройства засады.

Через несколько дней этот князь был захвачен в плен герцогам и, как предводитель разбойников, брошен в темницу. Однако герцог, считая, что этот храбрый и усердный в военном деле муж будет ему полезен, заключил с ним договор и, с честью его одарив, разрешил ему уйти. И он, будучи отпущен, ушел к королю данов Кнуту, и жил у него много дней и лет, ища себе славы и доблестей в разных военных походах в Норманнии и Англии. И за это был удостоен руки королевской дочери.

О ВЕРЕ ГОТШАЛКА

После же смерти короля Кнута Готшалк вернулся в землю отцов своих. И, найдя свои наследственные владения захваченными какими-то знатными людьми, решил бороться и, сопровождаемый победой, полностью вернул себе свои владения и власть. И тотчас же, стремясь приобрести себе славу и честь у господ, стал прилагать все старания к тому, чтобы пробудить к принятию благодати веры и к заботе о церкви славянские народы, которые принятое некогда христианство предали забвению. И дело господне в руках его так преуспело, что бесчисленное множество язычников стекалось для восприятия благодати крещения. И по всей стране вагров, полабов и бодричей были восстановлены некогда разрушенные церкви. И во все

края было послано за пастырями и служителями слова божьего, чтобы они насытили грубые души язычников учением веры. И радовались верующие прибавлению нового рассадника христианства. И свершилось, что «земли наполнились церквами, церкви же пастырями». Даже хижане и черезпеняне и другие племена, обитающие за Пеной, приняли благодать веры. А Пена — это река, в устье которой расположен город Димин. Сюда некогда доходила граница Альденбургской епархии. «Таким образом, все славянские племена, находившиеся на попечении» Альденбургской церкви, «набожно сохраняли христианскую веру» в течение всего времени, пока жив был Готшалк. «Рассказывают, что этот действительно великой набожности муж воспылал такой любовью к божественной религии, что часто сам в церкви обращался с проповедью к народу, причем то, о чем епископы и священники говорили непонятно, он старался передать на понятном для народа славянском языке». Никогда, без сомнения, не выдвигался во всей славянской земле «никто более сильный и столь же усердный в христианской религии. И поистине, если бы ему была дарована более долгая жизнь, он, вероятно, сумел бы склонить всех язычников к христианству, если сейчас обратил почти третью часть тех, которые раньше, при деде его Мстивое, отпали в язычество». «Тогда в каждом поселении были устроены монастыри, в которых пребывали святые мужи, жившие по законам церкви, а также монахи и монахини, как свидетельствуют те, кто в Любеке, Альденбурге, Рацисбурге, Леонтии и других городах видел некоторых из них. В Магнополе же, знаменитом городе бодричей, было, как говорят, три конгрегации служителей господних».

(пер. Л. В. Разумовской)

Текст воспроизведен по изданию: Гельмольд. Славянская хроника. М. АН СССР.